

США: КОНЕЦ ГЕГЕМОНИИ

Против объединённой мощи России и Китая у Америки нет стратегии выигрыша

Сегодня наш собеседник — Джон Росс, британский экономист, действительный член Чуньянского института финансовых исследований при Народном университете Китая.

"ЗАВТРА". Господин Росс, первый вопрос: как вы оцениваете стартовавшую недавно торговую войну между США и КНР?

Джон РОСС. Я думаю, что эта война мало пользы принесёт для США и вряд ли чем-то сможет реально повредить Китаю. Связано это с тем, что повышение таможенных тарифов на китайские товары бьёт по самим США: во многие производственные цепочки, которые формально принадлежат американским компаниям, встроены китайские товары или сырьё, подпадающие под санкции. Итогом действий администрации Трампа скорее станет не улучшение конкурентной среды, а рост внутренних американских цен. Именно против такого сценария предостерегала Дональда Трампа Национальная ассоциация промышленников США, предлагая во взаимоотношениях с Китаем добиваться нового торгового соглашения, а не идти путём банальной конфронтации.

Столь же негативным образом на действия Белого дома, скорее всего, отреагируют и американские фермеры, которые уже понимают, что ответные меры Китая будут направлены против них. Например, Китай может просто обрушить американский рынок сои, на котором он выступал крупнейшим покупателем в последние годы, что вызовет массовые банкротства в отрасли.

Ну и, конечно, момент для начала торговой войны в целом выбран очень неудачно: экономика США так и не оправилась от дряхлеющего мирового кризиса, а торговый конфликт с Китаем может иметь и обратный результат: вместо оживления национальной экономики США может завязнуть в стагнации ещё очень надолго.

"ЗАВТРА". А каково ваше общее впечатление от нынешних тенденций развития мировой экономики и сопровождающих их политических процессов?

Джон РОСС. Вначале я бы хотел чётко разделить два процесса, которые мы сегодня наблюдаем в мировой экономике. Первый из них — это обычный бизнес-цикл или же цикл инвестиций и потребления, который хорошо изучен и который определяет текущую динамику "небольшого улучшения", объективно присутствующего в мировой экономике. Второй процесс, который пока что ещё не исследован до конца и с которым мировая экономика столкнулась впервые — это то, что я называю "Великой стагнацией": ситуацию, в которой рост ведущих западных экономик так и не вернулся к уровням, которые были характерны для них до кризиса 2008 года и, в целом, для всей новейшей экономической истории XX века.

Термин "Великая Стагнация" неплохо подходит для описания сегодняшней ситуации в странах "Большой семёрки" и, шире того, во всех странах ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития, в СМИ часто именуемых "развитыми западными странами"). В отличие от классической Великой депрессии, которая началась в 1929 году, Великая стагнация имеет совсем иную динамику. Во время Великой депрессии экономика западных стран очень резко вошла в глубокий кризис, но и столь же быстро из него выбракалась. Достаточно упомянуть, что уже через десять лет после "чёрного четверга" 24 октября 1929 года западные страны не только отыграли всё падение, но и обеспечили рост своих экономик на 17%.

А вот после финансового кризиса 2007-08 годов дела пошли совсем иначе. Вместо резкого падения и быстрого восстановления экономик ведущих стран мы увидели десятилетний период "нулевого роста", за который экономики западных стран смогли добавить от уровня 2007 года только 11% совокупного роста — около 1% в год, в пределах ошибок оценки инфляции и статистических погрешностей.

Отсюда, кстати, следует и разница в течении политических кризисов, сопровождавших Великую депрессию 1930-х и Великую стагнацию 2010-х. В XX веке все политические процессы и изменения прошли очень быстро: уже в 1931 году стартовала кровавая японо-китайская война, в 1933 году к власти в Германии пришёл Гитлер, а к 1939 году, через десять лет после "чёрного четверга", мир погрузился в пучину Второй мировой войны.

С другой стороны, нынешние политические кризисы — ближневосточный, "правый поворот" в Европе, "Брекзит" в Великобритании или же неожиданное избрание Трампа президентом США — выглядят как слабая тень потрясений, которые постигли мир после Великой депрессии.

Пока что мир наслаждается небольшим улучшением экономики, которое связано с обычным оживлением в очередной стадии классического бизнес-цикла; однако это не более, чем очередное затишье перед бурей. Этот "бумажный" рост не должен нас вводить в заблуждение. Как пример, экономика США выросла на 1,5% в 2016 году, но на 1,4% за этот же год выросло и американское население! А это означает очевидный факт: простые люди даже в США отнюдь не стали жить лучше, максимум — остались "при своих". При этом большая часть "критических вещей": образование, здравоохранение, даже еда, — в США подорожали отнюдь не пропорционально росту ВВП.

"ЗАВТРА". А каким образом Великая стагнация влияет на другие страны, не входящие в ОЭСР? На Россию или на Китай?

Джон РОСС. Здесь надо подчеркнуть, что и российская, и китайская модель развития в 1990-2000 годы были экспортно-ориентированными моделями. Эти модели позволяли и Китаю, и России расти даже без роста западных стран. В ситуации же мирового кризиса и Великой стагнации этот подход перестал действовать: развитые страны перестали быть для остального мира бездонным рынком для сбыта или источником капитала. В такой ситуации каждая страна стала искать свой выход из сложной ситуации в мировой экономике.

Для Китая таким выходом стал переход к национально-ориентированной модели. Понимая, что одновременно невозможно переключить громадный глобальный спрос, за счёт которого жил Китай, на потребление внутри страны, китайские руководство пошло на очевидную экономическую хитрость: сразу же после кризиса 2007-2008 годов Китай направил огромные

инвестиции в инфраструктуру и в модернизацию собственной экономики. На сегодняшний день около 40% китайского ВВП уходит на инфраструктуру, что, даже с учётом неизбежной амортизации и замены основных средств, приводит к удивительной цифре — около 20% инвестиций в ВВП. Условно говоря, за десятилетний период Великой стагнации китайская экономика уже два раза полностью обновилась! Для сравнения, уровень чистых инвестиций в экономике США в это же время составил всего 3,5% от американского ВВП.

Конечно, бесконечно инвестировать только в дороги, фабрики или порты не получится даже у Китая, в силу чего в последние годы китайским руководством был выработан второй, дополняющий первый, подход — постепенное поднятие стандартов потребления внутри страны, переход к экономике "высокого дохода и потребления", называемой в самом Китае подходом "новой социальной нормы".

В рамках этой концепции уже за последние пять лет, к 2022-23 годам, Китай должен выйти по уровню подушевого дохода населения (и, как следствие, по уровню потребления) на одну ступеньку с Польшей, Венгрией или Россией — странами, традиционно считающимися в последние время "нижним стандартом" мировой экономики потребления.

Тем не менее, эта задача отнюдь не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, для Китая это будет означать увеличение ВВП ещё в полтора-два раза и, во-вторых, для мировой экономики такое изменение станет и вовсе радикальным. Нынешнее население "стран коллективного Запада" (ОЭСР) составляет около 16% от общемирового. А население сегодняшнего Китая — ещё 18%! То есть для выполнения задач, поставленных перед китайской экономикой, человечеству надо где-то "приобрести" вторую такую же планету, какая у нас имеется, — и ресурсов вполне хватит на такой амбициозный китайский план. Можно сказать, что человечество ранее никогда не стояло перед потрясениями такого масштаба.

"ЗАВТРА". Но как будет смотреть нынешний мировой гегемон, США, на такое запланированное и неизбежное возвышение Китая? Ведь, включая логику, можно сказать, что их интересы неизбежно войдут в противоречие и вызовут столкновение?

Джон РОСС. Проблема США на сегодняшний момент состоит в том, что вот уже полвека они находятся в состоянии угасания и практически predeterminedного ухода с роли мирового гегемона. Во многом это скрадывается тем, что на протяжении всей второй половины XX века и первых десятилетий XXI века США достаточно успешно разрушали стратегические наработки и "опускали" своих цивилизационных противников — Германию в 1960-е, Японию в 1970-е, затем — СССР в период его кризиса 1980-х годов и новую Россию в 1990-е.

Однако основная проблема США состоит не в их конкурентах, а в объективной слабости американской экономики. "Золотой век" Америки пришёлся на 1940-1950 годы, когда американская экономика была впереди всей мировой практически по всем параметрам — уровню накопления, инвестиций, лидировала в технологиях и вкладывалась в передовую науку. Но с тех пор "американская звезда" стала клониться к горизонту — и к началу 2000-х годов этот процесс стал совершенно очевиден. Ну и, конечно же, сыграло свою роль то, что с Китаем у США не получилось успешной геополитической игры "на выживание": китайцы смогли блокировать практически все планы США, направленные против них и обеспечить себе собственную "зону комфорта".

Поэтому у США сейчас есть только две принципиальные возможности: или согласиться со своим медленным угасанием и перейти на роль "младшего партнёра", или же начать некую геополитическую авантюру, в которой им, скорее всего, придётся действовать в одиночку, на свой страх и риск.

Особенно наглядно это видно по ситуации вокруг самого Китая. На сегодняшний момент США могут лишь демонстрировать флаг в Южно-Китайском море, в то время как все сопредельные страны, ещё недавно бывшие чуть ли не враждебными Китаю, сейчас предпочитают вести нейтральную, а то и прокитайскую политику. Вьетнам, Филиппины, Индонезия — все они видят в Китае союзника, а не врага. Такая же ситуация складывается на Корейском полуострове, в Средней Азии, а на севере безопасность Китая обеспечена стратегическим союзом с Россией.

"ЗАВТРА". Будет ли в таких сценариях США пытаться нарушить российско-китайский союз?

Джон РОСС. Безусловно, наличие российско-китайского союза всегда воспринималось и воспринимается в США как "прямая и явная угроза". Связано это, опять-таки, не с намерениями или декларациями, но с возможностями. Китай — это, пожалуй, одна из самых быстро развивающихся мировых экономик на сегодняшний день и страна одной из самых эффективных дипломатий мирового времени; но его слабость — военное строительство. Россия — это, возможно, не самый лучший пример "экономического чуда" (и, скорее, даже наоборот), однако Россия очень сильна в военном и политическом плане. Достаточно увидеть, насколько легко она добилась в Сирии желаемого результата, используя уникальное сочетание военной силы и "дипломатии войны", которую, я думаю, в будущем будут изучать в качестве примера во всех военных академиях. Второй факт — несмотря на западные санкции, число "друзей России" в Восточной Европе и в мире только растёт.

Против такого тандема США мало что может противопоставить, так как мировая торговая война неизбежно приведёт к конфронтации с Китаем, а мировая "горячая" война тут же очень быстро скатится к ситуации взаимного обмена термоядерными ударами и уничтожению всей цивилизации. Поэтому мы пока и видим от США скорее практику мелких провокаций и уловок против России и Китая, нежели масштабную конфронтацию. Поэтому я скорее склоняюсь к тому сценарию, что США не пойдут на геополитические риски и эскалацию, предпочитая жить в той самой Великой стагнации, с которой мы начали этот наш разговор.

Беседовал Алексей АНПИЛОВ

С 3 по 4 апреля в здании Президиума Российской академии наук (РАН) состоялись мероприятия ежегодного Московского экономического форума (МЭФ). Нынешний форум стал уже шестым по счёту — впервые представительное собрание политической, экономической и культурной элиты было проведено в Москве в 2013 году. Уже традиционно организационными партнёрами МЭФ выступили "Ростсельмаш", "Кировский завод" и РАН, а бессменным "крёстным отцом" МЭФ является российский предприниматель и президент промышленного союза "Новое Содружество" Константин Анатольевич Бабкин.

БЕЗАЛТЕРНАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ — ДОКОЛЕ?

Как и в прошлые годы, площадка МЭФ стала патристической альтернативой массе "либеральных", а на деле — весьма антироссийских и прозападных российских форумов, чьи формальные итоги и результаты никак не укладываются в концепцию развития и процветания России, предпочитая сосредотачиваться лишь на бесцельной критике российского прошлого и настоящего. Для участников же МЭФ вопрос будущего России, её места в мире и в уважительном взаимодействии с другими странами всегда стоял и будет стоять во главе угла. Ну а трезвый анализ текущей мировой динамики позволяет лишь указать на негативные тенденции или же определить угрозы, но никак не служит целям очернения России или же отрицания её самобытности, идентичности и суверенитета.

Открывая МЭФ, президент "Нового Содружества" Константин Бабкин выразил надежду на то, что новое правительство Российской Федерации, которое должно быть организовано уже в ближайшее время, не будет повторять ошибок прошлого и уйдёт от главной "ценности" и практически официальной идеологии существующего российского правящего класса — либерализма.

"Так или иначе наше правительство ставит во главу угла интересы личностей, мировых корпораций, при этом интересы государства отодвигаются на второй и

Алексей АНПИЛОВ

куда ПЛЫВЁТ КОРАБЛЬ «РОССИЯ»?

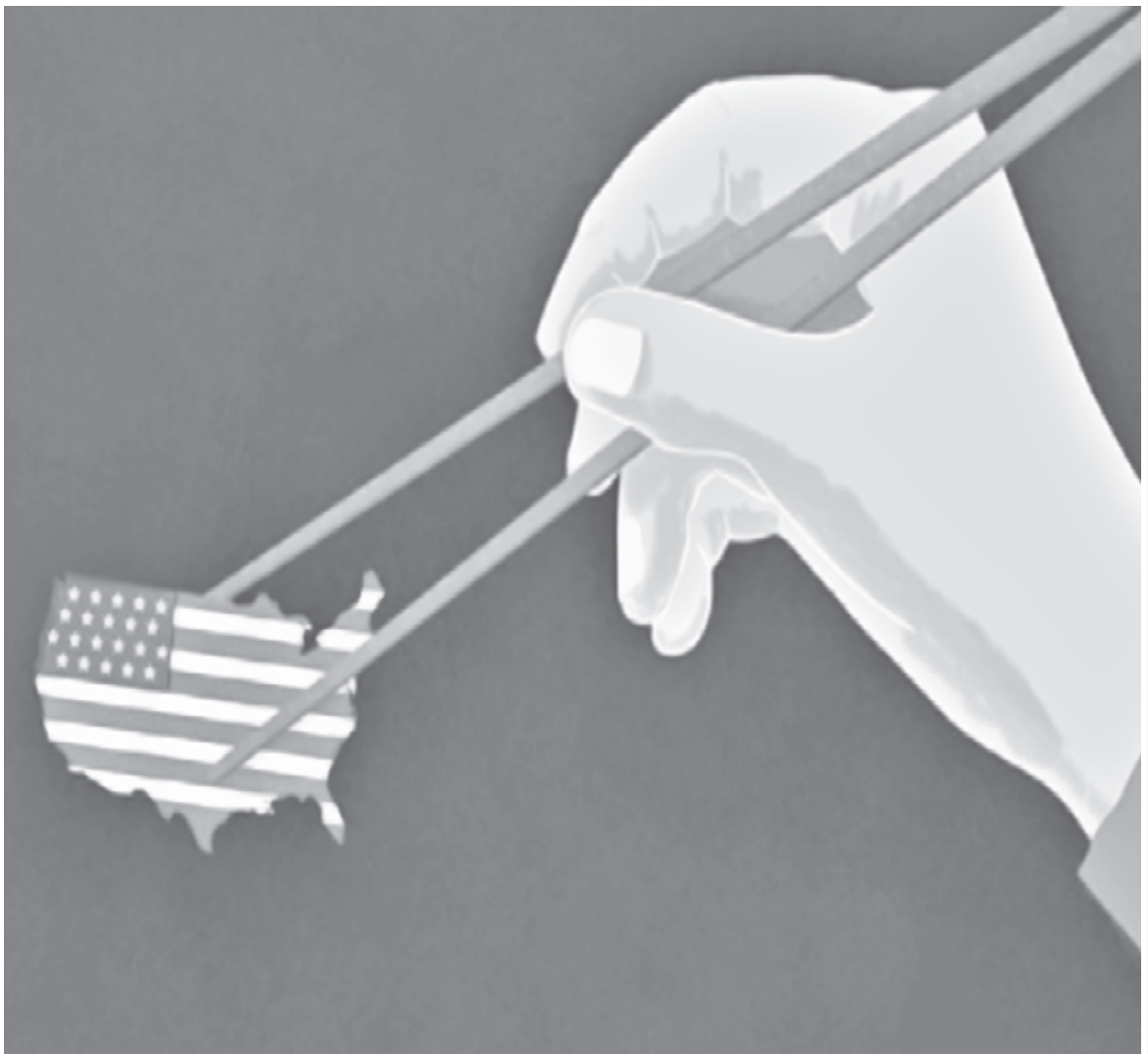
Заметки с VI Московского экономического форума

третий план. Эта идеология приводит к тому, что приветствуется обогащение отдельных личностей, мы видим, что растёт расслоение, и видим, как мировая финансовая элита получает выгоды, извлекает из России ресурсы, деньги, при этом эти деньги не идут на развитие нашей страны. Всё это движение укладывается в идеологию либерализма", — описал текущее положение вещей Константин Бабкин.

Затронул в своём выступлении президент "Нового Содружества" и те альтернативы, которые, по его мнению, должны прийти на смену враждебному для России либерализму. "Наука без производства, промышленности, без реального производства не живёт, и реальное производство не живёт, не развиваясь, не внедряя научные достижения, не двигаясь вперёд, не находясь на острие технологического прогресса. И задача всей государственной политики в том, чтобы укрепить, наладить, восстановить эту связь и тем самым сделать нашу страну технологически и экономически успешной", — подчеркнул Бабкин.

Звучали в выступлениях спикеров и реальные цифры "стоимости либерального банкета", который постоянно оплачивает Россия за своё надуманное следование либеральному курсу. Член Бюджетно-финансового комитета Заксобрания Санкт-Петербурга Оксана Дмитриева привела цифру суммарных потерь российской экономики, которые она понесла из-за весьма ситуативных и близоруких действий Центрального банка, достаточно долго проводившего открыто либеральную политику в национальном банковском секторе. По словам Дмитриевой, идея санации коммерческих банков за счёт средств Центрального банка России была вызвана к жизни "искусственно созданной нестабильностью и желанием потратить огромный объём финансовых средств". Дмитриева подчеркнула, что действия банковских и финансовых органов страны были непоследиельными: "В начале (они) увлеклись насыщением системных банков ликвидностью через докапитализацию за счёт бюджетных средств, а теперь это сменилось прямой перекачкой средств в банковскую систему через санацию уже не системных банков и тех банков, которые уже принципиально не влияют на устойчивость и состояние банковской системы". Согласно прозвучавшей оценке, через Ассоциацию по страхованию вкладов (АСВ) за два прошедших года (2016-2017) "проблемные" российские банки получили около 2,5 трлн руб. и ещё 1,5 трлн руб. было закачено в них по линии Фонда консолидации банковского сектора. При этом, по мнению Дмитриевой, реальное состояние указанных банков отнюдь не определяло однозначный подход к бездумному насыщению их ликвидностью, которая, таким образом, просто была выкачана из других секторов экономики и пущена в банковскую "чёрную дыру".

Цифра в 4 трлн руб., бесцельно потоплённых российскими банками, выглядит особенно ужасно на фоне тут же прозвучавших цифр ассигнований на российскую науку: в бюджет РАН в 2018 году заложено менее 4 млрд рублей — в тысячу раз меньше, чем на оплату "банковского банкета"! Притом что большая часть банковских

денег — это заткание дыр, созданных самими банками, и корыстное решение "чиновников от экономики".

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ ПОД "ЖЕЛЕЗНОЙ ЛЯПЕЙ"

В выступлениях на форуме звучали и грустные "отчёты с мест". Виталий Гнатышен, генеральный директор чинского керамического завода "Мир", рассказав о тяжёлом состоянии и буквальном "выживании" российской промышленности.

Под руководством Гнатышена завод "Мир" стал одним из лидеров производства керамической продукции в Забайкалье, наладив не только внутренние продажи своей продукции, но и перейдя к её экспорту в Монголию. Казалось бы, благополучию завода ничего не угрожает: под ногами — карьер с собственной глиной, вокруг — бескрайние просторы Забайкалья, на которых строительство домов или промышленных объектов всегда создаст спрос на хороший кирпич или строительные блоки.

Однако, как оказалось, либеральный путь, прописанный для российской экономики правящей элитой, не подразумевает развития собственной промышленности и создания рабочих мест в стране. Существующие цены на электроэнергию в Забайкалье на 40% выше, чем в соседнем Китае; притом, что в регионе работает несколько мощных тепловых и гидроэлектростанций, либералам выгоднее экспортировать электроэнергию за валюту. То же небрежение присутствует и в вопросе транспортных тарифов: грузовые железнодорожные тарифы в России в настоящее время по многим позициям уже на те же 40% дороже, чем в соседнем с нами Казахстане! И это — при том, что железная дорога у нас, в общем-то, одинаковая.

Цены на электроэнергию за три года повысились на 28%. На уголь — на 25%. На дизельное топливо — на 26%. И это нам не кажется, это реальные цифры!", — описал состояние и чувства среднестатистического производственника Гнатышен.

Звучали в выступлениях и здравые рецепты того, как избежать "либеральной ловушки" для России. Так, Роберт Нигматулин, научный руководитель Института океанологии имени Ширшова, привёл простое и понятное соотношение: успех инноваций и развития любой экономики напрямую зависит от инвестиций в основной капитал. Экономика любой страны должна регулярно обновляться и совершенствоваться, иначе её будут ждать неизбежные стагнация, застой и упадок. Нынешняя Россия, вкладывая 17% ВВП в основной капитал, отстаёт по этому показателю не только от Китая, где тратят до 40% ВВП на эти цели, но даже от находящихся в кризисе США, где процент инвестиций в основной капитал, тем не менее, превосходит российский. По оценке Нигматулина, бес роста нынешнего "куцего" параметра хотя бы до уровня в 25% Россия просто не сможет реализовать какие-либо прорывные проекты в промышленности, науке или же сельском хозяйстве: текущие 17% инвестиций — это

не просто застой, а реальное проедание капиталов прошлых лет и свершений предыдущих поколений.

Под вторым фактором успеха национальной экономики, на котором заострил внимание учёный, наверное, подлинется подавляющая часть населения России. Этим фактором, по словам Нигматулина, является платёжеспособный спрос трудового населения, который в уважающей себя экономике должен составлять 50-60% ВВП. Именно к этим показателям ещё в середине XX века пришли основные западные страны, и на достижение этих уровней хочет выйти в своей программе "новой социальной нормы" Китай уже к 2022-2023 гг. В России же благосостояние и зажиточность собственного населения пока что раз за разом приносятся в жертву сиюминутным интересам или же, того хуже, осязаемым концепциям, в рамках которых нищее население "возле трубы" мыслится уже как данность.

РОССИЯ ДОЛЖНА ПРИРАСТАТЬ УМОМ

Постоянным рефреном в выступлениях звучали общественные, культурные и гуманитарные аспекты.

Так, президент РАН Александр Сергеев справедливо подчеркнул, что "догнать и перегнать" лидеров мирового развития Россия может только за счёт собственных ресурсов, которые в будущем должны однозначно концентрироваться в проектные высокотехнологические отрасли, куда должны привлекаться самые квалифицированные и передовые специалисты. Президент РАН подчеркнул, что такой процесс не произойдёт "сам по себе": Российская Федерация сегодня живёт в условиях открытой высоконкурентной мировой экономики, в рамках которой страна уже столкнулась со смертельно опасным процессом "утечки", а иногда и просто "бегством мозгов" из России.

Сергеев подчеркнул, что скрытый процесс "утечки интеллекта" для России гораздо страшнее объективно куда более заметного процесса утечки долларов, отражаемого в ежемесячных цифрах движения капитала. В выступлениях президента РАН, а потом и в выступлениях руководителя Института океанологии прозвучала одна и та же мысль: труд учёного, труд преподавателя, труд научного работника или инженера должен стать престижным и справедливо оплачиваемым, иначе у российской экономики просто "не вырастут крылья" и её участием будет бесцельное и безнадёжное "волочение ползком" где-то в арьергарде мирового развития.

Прозвучали и реальные рецепты, которые оказались ровно противоположными тем, что насаждались либеральными чиновниками в России на протяжении последнего десятилетия, а то и дольше. Учёные предложили упразднить "институт болванчиков", печально знаменитый ЕГЭ, который произвёл тотальную подмену творческого подхода и креативного задания, развивающего ум и смекалку, банальным и шаблонным тестированием, чьи результаты и практика лишь оглушают новые поколения россиян — год за годом.

Прошедший МЭФ показал: в России есть здоровые силы, для которых будущее страны не пустой звук или вопрос личного благополучия. Это — те, кто согласен взять на себя роль "капитанов индустрии и науки" и вывести корабль российского государства через теснины кризисов в неизведанный океан грядущего.

"На кризисе стоят люди, за которыми стоят предприятия, научные учреждения, которые доказали на практике, что они умеют воплощать на практике теорию", — резюмировал в своём заключительном слове позицию участников МЭФ Константин Бабкин.

Анатолий ВАССЕРМАН ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

Альтернатива возможна и неизбежна!

гировал на это так: "Вы уходите, потому что вам нечего возразить!"

Поскольку часть слов, сказанных в адрес этого товарища, носила личный характер, я за него вступился, сказал: "Глубоко уважаемый профессор Урнов сотрудничает в Высшей школе экономики, поэтому всё, что он здесь говорит, это не его личные взгляды, а общая позиция Высшей школы ликвидации экономики и не надо примешивать к делу личные мотивы". Тогда он успокоился, сказал: "Ну, хоть так". И вернулся на место. Так вот, позиция этого самого профессора и его поведение в ходе дискуссии, по-моему, вполне отчётливо показывает, почему вокруг Московского экономического форума сложился столь жёсткий заговор молчания.

Но мы живём в век интернета. Интернет, при всех своих минусах, всё-таки выполняет важнейшую функцию пока ещё неподконтрольной или почти неподконтрольной информации. Таким образом, люди могут послушать то, что говорилось на МЭФ. Дискуссия, в которой я участвовал, была посвящена проблеме "Глобализация или протекционизм?" Моё выступление выражало следующие мысли.

Нынче велено считать единственно правильным комплекс теорий, так или иначе опирающихся на веру в благотворность неограниченной свободы личности, безо всякой оглядки на общество. Между тем, в теории систем давно доказано, что каждый новый уровень сложности структуры порождает принципиально новые закономерности, не сводимые напрямую к закономерностям нижележащих уровней. Поэтому теории, опирающиеся на это предствление, тем самым лишают себя возможности понять закономерности, формирующиеся именно на уровне общества как целого. В частности, эти теории считают известным уже, по крайней мере, три тысяче-

тия факт повышения производительности труда при его разделении некоей аксиомой, не понимая причин этого явления и, соответственно, не понимая его пределов и ограничений. И вследствие этого они выписывают рецепт разделения труда даже в условиях, когда оно не работает. В частности, нынешняя система глобального разделения труда требует от каждой страны, чтобы та сосредоточилась на нескольких видах деятельности, получающихся у неё лучше всех прочих, а всё остальное приобретала за рубежом. Но любая страна — слишком сложная структура для того, чтобы ограничиться только несколькими видами деятельности. И не критическое следование этому рецепту привело к тому, что сложился экономический парадокс — производительность в расчёте на одного работающего растёт, а в расчёте на одного живущего падает, потому что всё большая часть живущих выводится из числа работающих. И именно поэтому необходимо отказаться от такой системы разделения труда, а перейти к системе, где каждая страна производит сама всё, что может провестить, а к другим обращается только за тем, что у неё вообще не получается.

Но развитие такой системы упирается в явление коммерческого бессмертия, когда нечто, возможно, даже не лучшее, выйдя на рынок первым, очень быстро обрывает всемирные поддерживающими структурами. И главное, даже когда оно устаревает, туда оказывается вложено столько средств, что никто не может от него отказаться. И для того, чтобы в таких условиях создавать нечто принципиально новое, необходима заплата внутреннего рынка. Кроме того, история показывает: все страны, сейчас прибегающие к свободной торговле, начинали с того, что развивали собственное производство в условиях жёсткого протекционизма. И

только после развития переходили к другому формату защиты своего производства, а именно — требовали от других стран максимально открывать свои рынки для чужой продукции. Так что нынешняя глобализация — это развитие протекционизма другими средствами.

Очень дельными показались высказывания всех, кого я смог услышать. Например, президент РАН Александр Михайлович Сергеев очень чётко и максимально резко, насколько это возможно для человека его статуса, обозначил проблемы современной науки и пагубность ЕГЭ. Как оценить это выступление Сергеева? Как некий демарш от отчаяния или, наоборот, как сильную акцию уверенного в себе человека с надеждой на то, что его услышат? Боюсь, что это всё-таки, скорее, жест отчаяния. Потому что, как уже было отмечено в самом начале этой статьи, МЭФ игнорирует те чиновники, от которых сейчас зависит принятие подобных решений. И вся надежда в данном случае — исключительно на то, что состав лиц, принимающих решения, рано или поздно изменится.

Можно ли говорить, что Московский экономический форум за шесть лет своей работы стал такой площадкой, где реально структурируется некая настоящая, а не фейковая, оппозиционная экономическая сила? Стал настоящей, а не подставной, альтернативой действующей экономической власти, и люди, обобщая там, сводя личные знакомства, формируют, вполне возможно, команду тех, кому придётся вытаскивать Отечество из экономической трясины? Да, это так. Форум действительно за много лет выработал цельную экономическую концепцию. И эта концепция, насколько я могу судить, вполне работоспособна и может быть запущена в дело практически мгновенно, как только появится соответствующая политическая воля.